

УДК 316.468

**ДЕВИАНТНОСТЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ****Яков Ильич Гилинский**

доктор юридических наук,  
профессор Санкт-Петербургского юридического  
института (филиала) Университета Генеральной  
прокуратуры РФ, профессор Российского  
государственного педагогического университета  
им. А.И. Герцена;  
Санкт-Петербург, Россия  
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Особенности современного мира постмодерна – цифрового мира – оказывают влияние на динамику и структуру различных проявлений девиантности: преступности, наркотизма, алкоголизации населения, проституции, самоубийств и др. В статье рассматриваются некоторые характеристики общества постмодерна и их последствия для девиантных проявлений и социального контроля над ними.

**Ключевые слова:** общество постмодерна, цифровой мир, девиантность, преступность, социальный контроль

Постсовременность всех касается,  
мы все в ней прописаны, и лучше  
это знать, дабы не удивляться...

*А. Рубцов*

В истории человечества одна эпоха сменяется другой. Это нормальный процесс. Нынешняя эпоха постмодерна (постклассическая, постиндустриальная, постсовременная – кто как ее называет) началась с 1960-х – 1980-х гг. и активно завоевывает пространство (сжимающееся) и время (ускоряющееся). Мы все живем в мире глобальном, новейших технологий, включая образование «цифрового мира».

Основные характеристики, особенности современного цифрового мира (мира постмодерна) оказывают влияние на всю нашу жизнь, включая структуру и динамику всех проявлений девиантности:

негативных – преступность, пьянство, наркотизм, проституция, самоубийство и позитивных – научное, техническое, художественное творчество (Гишинский, 2017; Гишинский, Исаев, 2015).

*Технологический прогресс* (Четвертая промышленная революция) создает невиданные ранее возможности перемещения в любую точку планеты, немедленную связь с людьми, находящимися в другом полушарии, выполнение тяжелых или опасных работ роботами, возможность откликнуться на любые новации в социальных сетях, пользоваться беспилотным транспортом... Уже одно это вызывает двойственные девиантологические последствия: использование новейших технологических достижений в преступных целях (Ларина, Овчинский, 2017) и в целях противодействия преступности (Овчинский, 2017). Возникает множество вопросов. Кто будет субъектом ответственности при столкновении двух беспилотников? А если беспилотник, дрон врежется в толпу людей? Если робот повредит (убьет) владельца, членов его семьи? И как ГИБДД будет регулировать движение беспилотников или дронов?

С помощью 3D можно у себя дома изготовить запрещенное законом оружие (пистолет и др.).

«Силиконовые девушки» заполняют публичные дома (Барселона, Вена, распространенность в США и Японии), вытесняя работающих в них женщин. А роботы замещают занятое население, увеличивая массу безработных – потенциальный резерв девиантов.

Происходит *глобализация* экономики, финансов, технологий и – организованной преступности (торговля наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами), терроризма, коррупции, проституции. Глобализация экономики сопровождается глобализацией экономической преступности. Торговля людьми носит международный характер. При этом среди стран происхождения, транзита или назначения первые места занимали Россия, Украина, Нигерия; по жертвам торговли людьми – Украина, Россия, Нигерия, Албания; по «торговцам людьми» – Россия, Нигерия, Украина, Албания (Kangaspunta, 2003: 81–103). По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми (Ерохина, Буряк, 2003). Глобальный характер носит такое опаснейшее явление как *терроризм*.

Массовая *миграция* порождает «конфликт культур» (Селлин, 1966), ксенофобию и «преступления ненависти» (hate crimes) –

преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Об этом свидетельствуют процессы, происходящие в Европе, да и в современной России. Масса мигрантов из стран мусульманского мира порождает конфликты с местным населением в Германии, Италии, Франции и других европейских странах. В России по мотиву «понаехали тут» возникает ксенофобия и преступления, отслеживаемые такими общественными организациями как информационно-аналитический центр «Сова» и Московское бюро по правам человека (максимальное число пострадавших и убитых – свыше 400–500 – было зафиксировано в 2005–2006 гг.). Более того, «мы уже на пороге нового Великого переселения народов... В отличие от других глобальных проблем, перед лицом которых все человечество предстает как единое целое, глобальная неконтролируемая миграция делит все человечество на две антагонистические части – тех, кто переселяется, и тех, к кому переселяются» (Чумаков, 2017).

*Виртуализация и «цифризация»* жизнедеятельности порождает: 1) киберпреступность, кибердевиантность и 2) «переструктуризацию» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (street crime). Так, в России с 2002–2006 гг. к 2017 году снизился уровень (в расчете на 100 тыс. населения) убийств – в 3,5 раза, грабежей – в 6 раз, разбойных нападений – в 5,7 раза, краж – в 2 раза, а уровень мошенничества, в т. ч. «цифрового» – вырос в 2 раза. Интернет предоставляет невиданные возможности, но и затягивает вплоть до интернет-зависимости как заболевания. Не говоря уже об использовании сетей террористами, организованной преступностью, нео-фашистами, экстремистами всех мастей.

Все мы живем одновременно в реальном и виртуальном мирах. Особенно это относится к подросткам и молодежи. С одной стороны, проживание их в виртуальном мире может приводить к преступлениям (мошенничество), самоубийствам (вовлеченность в «группы смерти»), сексуальным перверсиям, другим негативным последствиям. С другой стороны, удовлетворение неизбежной и такой острой для молодежи потребности в самоутверждении, самореализации в компьютерном мире, в том числе, посредством различных «стрелялок» приводит... к сокращению «уличной преступности». С конца 1990-х – начала 2000-х гг. снижение

уровня преступности и, прежде всего, убийств и иных тяжких преступлений, наблюдается *во всем мире!* Во всех странах Европы и Азии, Африки и Австралии, Южной и Северной Америк. Исследования американских университетов в Вилланове и Ратгерсе показали, что во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается, до 30%! Действительно, самоутверждаться в интернете значительно безопаснее и комфортнее, чем бежать драться на улицу. А в случае кибермошенничества и значительно выгоднее, чем на улице с ножом отнять 100 рублей у пенсионерки... Кстати говоря, именно поэтому (хотя и не только поэтому) попытки законодательным путем запретить подросткам пользоваться интернетом, перекрыть доступ к сетям не только нереальны, но и социально вредны.

Современное общество постмодерна характерно *фрагментацией* населения на отдельные фрагменты, субкультуры с различными представлениями о дозволенном и недозволенном, допустимом и недопустимом. Происходит размывание границ между «нормальным» и «девиантным», эластичность этих границ. Проституция – девиантность или бизнес, трудовая деятельность? Наркопотребление – девиантность или, наряду с употреблением алкоголя, удовлетворение потребности снять напряжение, утолить боль? Где грань между «порнографией» и литературой (Дж. Джойс, Г. Миллер), Modern Art? (Кстати, а кто знает, что такое «порнография»? Юридическое определение отсутствует).

Чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур. И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»? Бескомпромиссная «борьба» с наркотиками в России или кафе-шопы с марихуаной в Амстердаме, «*Christiania*» в Копенгагене, где также можно курить марихуану? «Парк наркоманов» в Цюрихе? Легализация марихуаны в Нидерландах, Чехии, КНДР, Канаде, ряде штатов США? Административная ответственность за занятие проституцией, уголовная – за содержание «притонов для занятия проституцией» в России (ст. 241 УК РФ) или *Red Light District* («квартал красных фонарей») в том же Амстердаме? Репербан в Гамбурге? Доступность алкоголя во всех европейских странах или длительное тюремное заключение за бутылку водки в ОАЭ?

Поколения постмодерна скептически относятся ко многим запретам, «придуманым» старшими поколениями. Стоящие

у власти представители старших поколений пытаются все новыми запретами сохранить свои представления о мире и обществе, что неприемлемо для новых поколений. Лозунг парижских студентов 1968 г. «Запретить запрещать!» актуален сегодня, как никогда.

*Консьюмеризация* сознания и деятельности ведет как к легальному, так и нелегальному (преступному) добыванию средств на все новые и новые приобретения.

Небывалых масштабов достигло *социально-экономическое неравенство*. В 2016 г. 1% населения Земли владел 52% всех богатств, а 1% населения России – 74,5% всех богатств страны (первое место в мире по экономическому неравенству). Еще в 1960-е – 1970-е года французские социологи (Р. Лемуар, С. Погам и др.) заметили, что все население Земли и каждой страны в отдельности поделено на меньшинство «*включенных*» в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь и большинство «*исключенных*» из нее. Криминологи и девиантологи быстро отреагировали на это (см., например: Young, 1999), поскольку именно исключенные составляют основную социальную базу преступности, наркотизма, алкоголизации, проституции, самоубийств. Впрочем, о роли социально-экономического неравенства в генезисе социальных противоречий со всеми криминальными и девиантными последствиями писали от К. Маркса и П. Сорокина до Т. Парсонса, С. Жижекa и Дж. Стиглица. Приведу лишь несколько цитат. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным средоточием структурного конфликта в социальных системах» (Парсонс, 1972: 375). «Противостояние исключенных и включенных является ключевым» (Жижек, 2011: 342). Понимание экономического и социального неравенства как главного криминогенного и девиантогенного фактора давно стало *communis opinio doctorum*... Так, М.Н. Гернет приводит ряд высказываний криминологов: по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений»; А. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»; с точки зрения А. Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений» (Гернет, 1974: 111, 119, 375).

Роль социального и экономического неравенства в генезисе девиантных проявлений (прежде всего, тяжких насильственных преступлений и самоубийств) сегодня подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями отечественных и зарубежных авторов и статистическими данными. Так, например, по данным МВД РФ, в числе всех лиц, признанных в России преступниками, доля лиц без постоянного источника доходов (синоним «исключенных») с 2010 г. по настоящее время превышает 65–66%, а среди убийц и насильников – 72–75% (Преступность и правонарушения. Статистический сборник, 2017). Поэтому приходится удивляться: как при таком усиливающемся неравенстве сокращается уровень большинства преступлений? Но не забудем «переструктуризацию». Преступность в интернете, киберпреступность теснит «обычную» преступность, оставаясь весьма латентной, не зарегистрированной, не учтенной. Так, в 2016 г., по данным, оглашенным на 16-й конференции Европейского общества криминологов (г. Тюбинген, Германия), если средняя раскрываемость преступлений в Европе составляла 42–46%, то киберпреступлений – 5%.

Дальнейший рост социально-экономического неравенства в условиях «роботизации» и Искусственного Интеллекта (ИИ) грозит последующим ростом негативных девиаций, особенно ретретистской направленности (алкоголизация, наркотизм, суицид).

Проблема включенных / исключенных явно недооценивается при анализе терроризма и разработке мер по предупреждению терактов. Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют – осознанно или нет – интересы массы «исключенных» в современном мире. Классическим примером крайне негативного поведения «исключенного» служит страшный террористический акт 14 июля 2016 г. в Ницце: «Террористом в Ницце оказался неудачник-разведка с целым букетом проблем и комплексов... Фактически перед нами классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру... К теракту в Ницце можно пристегивать кого угодно – и националистов, и ИГИЛ, и каких-нибудь леваков-марксистов. Они все про это – про несправедливость и равнодушие к маленькому человеку. Рецепты у всех свои, но среда, в которой их идеи востребованы, – она одна на всех. И не бомбить далекие пески нужно, а лечить страну и

общество. И это не только к Франции относится, скажем откровенно» (Маленький человек...). Еще о Европе: «Мигранты часто ощущают себя людьми второго сорта. Молодые и харизматичные люди – выходцы из мусульманских стран и их дети – пытаются найти какую-то новую идентичность, обращаясь к историческим корням, и в итоге часто приходят к радикальным течениям» (Теракт в Ницце). И еще, это уже о США: «появляется множество одиноких, отчужденных молодых людей, стремящихся к самоутверждению через насилие» (Брукс, 2016). А вот мнение вице-президента Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» А. Филатова: «Дело в том, что террористами люди не рождаются, а становятся по каким-то причинам. Надо искать эти причины и устранять их. Это серьезная глобальная проблема. Терроризм – это средство борьбы, как правило, слабой стороны против сильной. Если мы в разы не уменьшим угрозу, если будут условия, толкающие людей на эту сторону, террористы всё равно будут просачиваться. Если мы завтра поставим датчики, выявляющие взрывные устройства, на всю территорию страны, террористы пересядут на машины или возьмутся за ножи» (Филатов, 2017). Что уже и происходит. А массовое убийство в керченском колледже? Это глобальный процесс, и его последствия недостаточно осознаются правящими элитами современного мира. Опыт Северной Ирландии, Страны Басков в Испании, Франции и Алжира свидетельствует о том, что предотвращение терроризма возможно политическими, экономическими, дипломатическими мерами успешнее, нежели военно-полицейскими (которые, конечно, вынужденно необходимы, но не решают проблемы).

Непривычные глобализация, виртуализация, фрагментаризация, «ускорение времени» приводят к «шизофренизации сознания» (Ф. Джеймисон), повышенной агрессивности (см., например: Гилинский, 2017а; Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014) со всеми вытекающими последствиями: насильственные преступления или же «уход» в алкоголь, наркотики или – петлю. Психологический кризис сопровождается вспышками немотивированной агрессии, взаимной ненависти, «преступлениями ненависти». Растет детско-подростковая агрессивность, приводящая к школьным убийствам и буллингу.

Эпоха постмодерна прекрасна! Невиданные технологические новеллы и увеличение продолжительности жизни предоставляют

небывалые возможности для творчества, профессионального роста, интеллектуального развития, путешествий, развлечений. Общество постмодерна – *потенциально* Общество Свободных Людей! Но! Эпоха постмодерна таит невиданные опасности, начиная с изобретения все более страшного оружия массового поражения, экологического кризиса, разделения общества на включенных (которых становится все меньше) и исключенных (число коих растет), безмерного (и растущего) социально-экономического неравенства, возможностей тотального контроля государства над каждым из нас. Реализуется «1984» Джорджа Оруэлла. Каждый «под колпаком». Какая уж тут Свобода! А еще организованная преступность, киберпреступность, коррупция, агрессивность...

Но эпоха постмодерна со всеми ее особенностями – объективная реальность. Нравится нам это или нет. Нам и нашим потомкам жить в этом обществе, а, следовательно, мы должны делать все зависящее от нас, чтобы человечество не пошло по пути самоистребления – омницида. Поэтому надо *знать* особенности нашего «цифрового» времени, *изучать* их и выработать меры по снижению рисков и максимальному использованию преимуществ постмодерна.

### Список литературы

Брукс Д. На пути к национальной катастрофе? // The New York Times. 13.07.2016

Гернет М.Н. Избранные произведения / Отв. ред. А.Б. Сахаров. М.: Юрид. лит., 1974. 639 с.

Гилинский Я. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017.

Гилинский Я. Социальное насилие. Монография. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2017а. 185 с.

Гилинский Я.И., Исаев Н.А. (ред.) Творчество как позитивная девиантность. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 276 с.

Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014. 493 с

Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М.: Профобразование, 2003. 432 с.

Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. 476 с.



Ларина Е., Овчинский В. Криминал будущего уже здесь. М.: Книжный мир, 2017. 512 с.

Маленький человек // URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (Дата обращения: 16.07.2018).

Овчинский В. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.

Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. 392 с.

Преступность и правонарушения. Статистический сборник. Ежегодник. М.: МВД РФ, 2017.

Селлин Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. 368 с.

Теракт в Ницце // Сноб. 15.07.2018.

Филатов А. Борьба с терроризмом на входах в метро и аэропорты – неэффективно // Известия. 10.04.2017.

Чумаков А. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. Вып. № 2 (22).

Kangaspunta K. Mapping the Inhuman Trade: Preliminary Findings of the Database on Trafficking in Human Beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3. No 1/2. S. 81–103.

Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

## DEVIANCE IN THE DIGITAL WORLD

**Yakov I. Gilinsky**

Doctor of Law, Professor

Professor, Department of Criminal Law, Criminology  
and Criminal Executive Law

University of the General Prosecutor's Office

of the Russian Federation, St. Petersburg Law Institute (Branch)

Professor, Department of Criminal Law, A.I. Herzen Russian

State Pedagogical University

St. Petersburg, Russia

yakov.gilinsky@gmail.com

The features of the postmodern world – the digital world – influence the dynamics and structure of various manifestations of deviance: crime, drug addiction, alcoholism of the population, prostitution, suicides, etc. The article discusses some of the characteristics of postmodern society and their implications for deviant manifestations and social control.

**Key words:** postmodern society, digital world, deviance, crime, social control